

*<РГАЛИ, ф. 212.1.114. Письмо Ф. М. Достоевского к А. П. Суловой. Копия письма
рукой неустановленного лица>*

*<Вверху листа запись карандашом рукой неизвестного лица: найдено мной в архиве
Гальцева. – Ред.> <Далее следует неразборчивая запись карандашом. – Ред.>*

Дрезден. 23 Апрель/5 Мая.

Письмо твое, милый друг мой, передали мнѣ у Базунова очень поздно, предѣ¹
самымъ выѣздомъ моимъ за границу, а такъ какъ я спѣшилъ ужасно, то и не
успѣлъ отвѣчать тебѣ. Выѣхалъ изъ Петербурга въ страстную пятницу (кажется
14 Апрель), ѣхалъ до Дрездена довольно долго, съ остановками, и потому только
теперь улучилъ время поговорить съ тобою.

Стало быть, милая, ты ничего не знаешь обо мнѣ, по крайней мѣрѣ ничего не
знала, отправляя письмо свое? Я женился въ февралѣ нынѣшняго года. По
контракту я обязанъ былъ Стеловскому доставить къ 1^{му} Ноября прошедшаго года
новый романъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ обыкновенной печати, иначе
подвергался страшной неустойкѣ. Между тѣмъ я писалъ романъ въ «Русскомъ
Вѣстникѣ», написалъ 24 листа и еще оставалось написать 12. А тутъ эти 10 листовъ
Стеловскому. Было 4^е Октября, а я еще не успѣлъ начать. Милюковъ посовѣтовалъ
мнѣ взять стенографа, чтобъ диктовать романъ, что ускорило-бы вчетверо дѣло.
Ольхинъ, профессоръ стенографіи 7)², прислалъ

// л. 1

мнѣ лучшую свою ученицу, съ которой я и уговорился. Съ 4го же Октября и
начали. Стенографка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молодая и довольно
пригожая дѣвушка, 20 лѣтъ, хорошаго семейства, превосходно кончившая
гимназическій курсъ, съ чрезвычайно добрымъ и яснымъ характеромъ. Работа у
насъ пошла превосходно. 28 Ноября романъ *Игрокъ* (теперь уже напечатанъ) былъ
конченъ, въ 24 дня. При концѣ романа, я замѣтилъ³ что стенографка моя меня
искренно любитъ, хотя никогда не говорила мнѣ объ этомъ ни слова, а мнѣ она все
больше и больше <нра>вилась. Такъ-какъ со смерти брата мнѣ ужасно скучно и
тяжело жить, то я и предложилъ ей за меня выйти. Она согласилась и вотъ мы
обвѣнчаны. Разница въ лѣтахъ ужасная (20 и 44), но я все болѣе и болѣе
убѣждаюсь, что она будетъ счастлива. Сердце у ней есть и любитъ она умѣть.
Теперь вообще о моемъ положеніи:

Тебѣ извѣстно отчасти, что по смерти моего брата я потерялъ окончательно мое
здоровье, возясь съ журналомъ, но, истощившись въ борьбѣ съ равнодушіемъ
публики и т. д. и т. д. бросилъ его. Сверхъ того

// л. 1 об.

¹ Вместо: предѣ – было: передѣ

² 7) вписано.

³ Часть строк не видна.

3000 (которыя получилъ, продавъ сочиненія Стеловскому) отдалъ ихъ безвозвратно на чужой журналъ, на семейство брата и въ уплату его кредиторамъ. Кончилось тѣмъ, что я наколотилъ на себя новаго долгу, по журналу, что съ неуплаченными долгами брата, которые я принужденъ былъ взять на себя, составило еще свѣше 15000 долгу. Въ такомъ состояніи были дѣла, когда я выѣхалъ въ 65^{мъ} году за границу, имѣя при выѣздѣ 40 наполеондоровъ всего капиталу. За границей я рѣшилъ, что отдать эти 15000 смогу только, надѣясь на одного себя. Сверхъ того, со смертію брата, который былъ для меня *все*, мнѣ стало очень тошно жить. Я думалъ еще найти сердце, которое-бы отозвалось мнѣ, но – не нашелъ. Тогда я бросился въ работу и началъ писать романъ. Катковъ заплатилъ больше всѣхъ, я и отдалъ Каткову. Но 37 листовъ романа и еще 10 листовъ Стеловскому, оказались мнѣ не по силамъ, хотя я и кончилъ обѣ работы. Падучая моя усилилась до безобразія, но за то я развлекъ себя и спасъ себя сверхъ того отъ тюрьмы. Романъ мнѣ принесъ

// л. 2

(со вторымъ изданіемъ) до 14000, на это я жилъ и сверхъ того изъ *пятнадцати* тысячъ долгу отдалъ 12. Теперь на мнѣ всего-на-все до 3000 долгу. Но эти три тысячи самыя злыя. Чѣмъ больше отдаешь денегъ, тѣмъ нетерпѣливѣе и глупѣе кредиторы. Замѣть себѣ, если-бъ я не взялъ на себя этихъ долговъ, то кредиторы не получили-бы ни копейки, и они это знаютъ сами, да и просили они меня перевести эти долги на себя *изъ милости*, обѣщаясь меня не трогать. Отдача 12000 только возбудила корыстолюбіе тѣхъ, которые еще не получили по своимъ векселямъ. Денегъ у меня теперь раньше новаго года не будетъ, да и то если кончу новую работу, за которой сижу. А какъ я кончу, когда они не даютъ мнѣ покою; вотъ почему я и уѣха<лъ> (съ женой) за-границу. Сверхъ того за границе<й> жду облегченія падучей, въ Петербургѣ-же, въ послѣднее время, почти даже стало невозможно работать. По ночамъ ужъ нельзя сидѣть, тотчасъ припадокъ. И потому хочу здѣсь поправить здоровье и кончить работу<.> Денегъ я взялъ у Каткова впередъ. Тамъ охотно дали. Платятъ у нихъ превосходн<о.>

// л. 2 об.